

Ань Чанцин опешил от его слов. Он перевел взгляд со своего живота на серьезное лицо Юй Сяо и в конце концов решил, что ребенок просто выдумал глупость по неразумию. Улыбнувшись, он сказал:

— Я ведь мужчина, как я могу вынашивать малыша? Если лекарь Ху услышит эти слова, он тебя засмеет.

Юй Сяо поджал губы, не зная, как объяснить. Но он действительно чувствовал, что в животе у ванфэй есть маленький ребенок. Раньше, когда его тятя был беременен, он ощущал то же самое. Он всегда мечтал о младшем брате или сестре, вот только...

Его взгляд померк, но он с упрямством повторил:

— Там правда есть.

Видя его расстроенный вид, Ань Чанцин не захотел огорчать ребенка и подыграл ему:

— Хорошо-хорошо, есть малыш, есть.

Юй Сяо подумал, что тот ему поверил, снова повеселел и с блеском в глазах спросил:

— А можно мне погладить?

Сяо Чжигэ провожал лекаря Ху. Закончив разговор, они оба заметили, что Юй Сяо за ними не вышел, и вернулись в комнату поискать его. Едва подойдя к двери, Сяо Чжигэ услышал, как Ань Чанцин произнес «есть малыш», и на ходу спросил:

— О каком малыше речь?

Лекарь Ху тоже был рядом, поэтому Ань Чанцин не стал выдавать проступок Юй Сяо, чтобы тот не получил нагоняй от лекаря Ху за глупости. Однако не успел он ничего ответить, как радостный Юй Сяо сам выложил всё как на духу:

— Мы говорим о ребеночке в животе у ванфэй!

Ань Чанцин: «...»

Сяо Чжигэ: «...»

Лекарь Ху: «Хм?»

Ань Чанцин и Сяо Чжигэ не знали, как реагировать. Лекарь Ху на мгновение ошеломленно замер, а затем погрузился в раздумья. Спустя некоторое время он посмотрел на Юй Сяо, задержал взгляд на его лице и спросил:

— Почему ты так решил?

Юй Сяо пришлось повторить то, что он только что говорил Ань Чанцину. Ему и вправду очень нравился малыш в животе у ванфэй.

На этот раз лекарь Ху задумался еще сильнее. Придя в себя, он обратился к Ань Чанцину:

— Позвольте мне снова проверить пульс ванфэй.

Ань Чанцин окончательно растерялся. Он полагал, что Юй Сяо просто капризничает по детскому неразумию, но никак не ожидал, что лекарь Ху поддастся этой глупости. Тем не менее он ничего не сказал и положил руку на подушечку для проверки пульса.

Лекарь Ху прикрыл глаза и долго, тщательно прослушивал пульс.

«Пульс скользящий, гладкий, словно жемчужины перекатываются по нефритовому блюду...»

Это был так называемый скользящий пульс, который обычно указывает на скопление мокроты, застой пищи или избыточный жар. Поскольку в последние дни у Ань Чанцина наблюдался легкий жар, лекарь Ху считал, что скользящий пульс вызван именно этим. Но сегодняшние слова Юй Сяо заставили его вспомнить кое о чем другом.

Скользящий пульс также свидетельствует о беременности. К тому же эта внезапно появившаяся красная метка...

Выражение лица лекаря Ху непрестанно менялось, он то и дело с головы до ног оглядывал Ань Чанцина. Однако мужская беременность — вещь поистине немыслимая, поэтому он на мгновение колебался, не зная, как высказаться.

Сяо Чжигэ проявил нетерпение. Не поняв смысл первой фразы лекаря, он поторопил его:

— Говори прямо, что это значит.

Ань Чанцин же читал медицинские трактаты и знал, что обозначает скользящий пульс. Скользящий пульс далеко не всегда означает беременность, однако, услышав предельно серьезные детские речи Юй Сяо, он и сам проникся сомнениями.

Поэтому он смотрел на лекаря Ху с особой тревогой.

Лекарь Ху и сам пребывал в смятении. Поразмыслив, он решил не озвучивать свои догадки и сказал:

— Ванфэй в последнее время страдает от внутреннего жара, необходимо есть больше легкой пищи. — Помедлив, он добавил: — И лучше воздержаться от супружеской близости.

А с остальным нужно распланировать позже, когда он сверится с медицинскими трудами.

Услышав это, Ань Чанцин мгновенно облегченно вздохнул, не зная, смеяться ему или плакать. Он подумал, что Юй Сяо еще мал, но как он сам-то умудрился поддаться такой глупости?

В итоге Юй Сяо так и не удалось потрогать животик. Лекарь Ху увел его, а мальчик оглядывался на каждом шагу.

Автор хочет сказать:

Трус: Забеременел? Неужто я настолько хорош? (втайне гордясь собою)

Но-но: ...

В середине шестого месяца Шэньту Сюй наконец прибыл в Яньчжоу, конвоируя почти десять тысяч «преступников».

Хотя этим простолюдинам удалось сохранить жизнь, их всё же приговорили к ссылке, и

обращение с ними в пути едва ли можно было назвать хорошим. Все они были оборванными, изможденными и истощенными.

Во время конвоирования Шэньту Сюй непрестанно опасался новых беспорядков, поэтому гнал людей без отдыха. Лишь прибыв в Яньчжоу и увидев Сяо Чжигэ, выведшего войска для передачи пленных, он наконец вздохнул с облегчением.

Обе стороны провели сверку численности, передали официальные бумаги и документы, и на этом миссия Шэньту Сюя завершилась. В Сучжоу его ждали неотложные дела, поэтому он не стал задерживаться и увёл своих людей.

Сяо Чжигэ же предстояло разместить прибывших людей.

Расширение города Яньчжоу еще не началось. К тому же прибывших было слишком много, а их прошлое пока оставалось неизвестным, поэтому сразу впускать их в город было нельзя. К счастью, за пределами городских стен заранее обустроили временное убежище, куда солдатня и направила людей.

Хотя эти бедняки и избежали смерти, они были в смятении от необходимости покинуть родные края ради ссылки в Яньчжоу. Однако перед ними стоял сам Бэйчжань-ван, прозванный богом смерти, и никто не смел даже помыслить о сопротивлении. Покорно смирившись со своей судьбой, люди с оцепенением позволили солдатам вести себя в другую сторону за пределами города.

Они ожидали, что им придется ночевать под открытым небом и выживать как придется, либо неустанно гнуть спину на каторжных работах. Но, прибыв на место, они увидели в северной части предместья ровные ряды аккуратно выстроенных соломенных навесов.

А перед навесами на открытой площадке стояли несколько десятков огромных котлов, в которых варилась дымящаяся рисовая каша.

Оцепенение на лицах людей сменилось оживлением. Они с надеждой всматривались в соломенные навесы и горячую кашу, шепотом переговариваясь и гадая, неужели всё это приготовлено для них.

Народу было так много, что даже тихий шепот сливался в ощутимый гул. Сяо Чжигэ поднял руку, и солдаты тут же ударили в гонг, призывая выйти вперед сельских старост и почтенных старейшин.

Среди простых людей из армии «Байдин», не считая невеликого числа пришлых, большинство составляли жители уезда Канъюн провинции Сучжоу и его окрестностей. Они знали друг друга или приходились друг другу родственниками и знакомыми. Помимо обычных крестьян, среди них находились и бывшие старосты с местными старейшинами. При таком количестве людей Сяо Чжигэ не мог приставить к каждому своего человека, поэтому позволить им самим управлять собой было наилучшим решением.

Толпа некоторое время волновалась, после чего из нее стали поочередно выходить пожилые люди. Они трепетали перед Сяо Чжигэ и его окружением, словно осужденные перед казнью.

И вот тогда проявилась роль Ань Чанцина и других чиновников. Он собрал старейшин вместе: те, кто занимал должности старост, были грамотными и пользовались уважением среди местных. Ань Чанцин вместе с несколькими пожилыми чиновниками мягко и спокойно изложил им порядок действий и попросил донести эти правила до остальных.

Когда Ань Чанцин закончил говорить, старейшины застыли в изумлении. Они были уверены, что, лишившись родного дома, обречены на безнадежное существование, и все эти дни лишь апатично ждали смерти. Кто бы мог подумать, что по прибытии в Яньчжоу с ними не только не станут обращаться как с преступниками, но даже даруют им надежду на спасение и новую жизнь!

Растроганные до глубины души, старосты и старейшины не знали, как выразить свою благодарность, и лишь беспрестанно кланялись:

— Благодарим князя и ванфэй за великую милость! Мы никогда этого не забудем!

Успокоив их, Ань Чанцин отправил старейшин разъяснять новые правила. Увидев путь к спасению, те духом приободрились и, собрав жильцов своих бывших деревень, стали подробнейшим образом объяснять им порядок действий.

По мере того как до каждого из переселенцев доходил смысл сказанного, апатия на их лицах уступала место радости. Хотя расставаться с родной землей всегда тяжело, в Сучжоу у них всё равно не оставалось средств к существованию — иначе они не примкнули бы к мятежу. Теперь же, оказавшись в Яньчжоу, они обрели цель и надежду на будущее.

Ань Чанцин стоял плечом к плечу с Сяо Чжигэ, наблюдая, как люди чинно выстраиваются в очередь за кашей, и на каждом лице расцветает улыбка. В его душе поднялась волна глубокого трепета. Все эти дни он часто посещал управу, обсуждая правила с опытными сановниками. Но чувство удовлетворения от того, что его предложения принимали, не могло сравниться с тем ощущением, которое охватило его прямо сейчас.

Видеть собственными глазами, как разработанные с его участием меры претворяются в жизнь, принося пользу людям и зажигая огонь надежды в их потухших глазах, дарило такое чувство свершения, которого не принесли бы никакие похвалы.

Сердце Ань Чанцина ликовало. Прежде, когда Сяо Чжигэ предлагал ему активно участвовать в городских делах, он испытывал некие сомнения, но теперь, глядя на счастливые лица народа, от этих сомнений не осталось и следа.

Заметив, что Ань Чанцин молчит, но его глаза лучатся светом, Сяо Чжигэ взглянул на переселенцев, которым уже начали распределять жилье, и похлопал его по плечу:

— Но-но отлично справился на этот раз. Впредь забота об этих людях ложится на тебя и господ чиновников.

Ань Чанцин опомнился, на мгновение встретился с ним взглядом, а затем, улыбнувшись, твердо пообещал:

— Я приложу все силы.

...